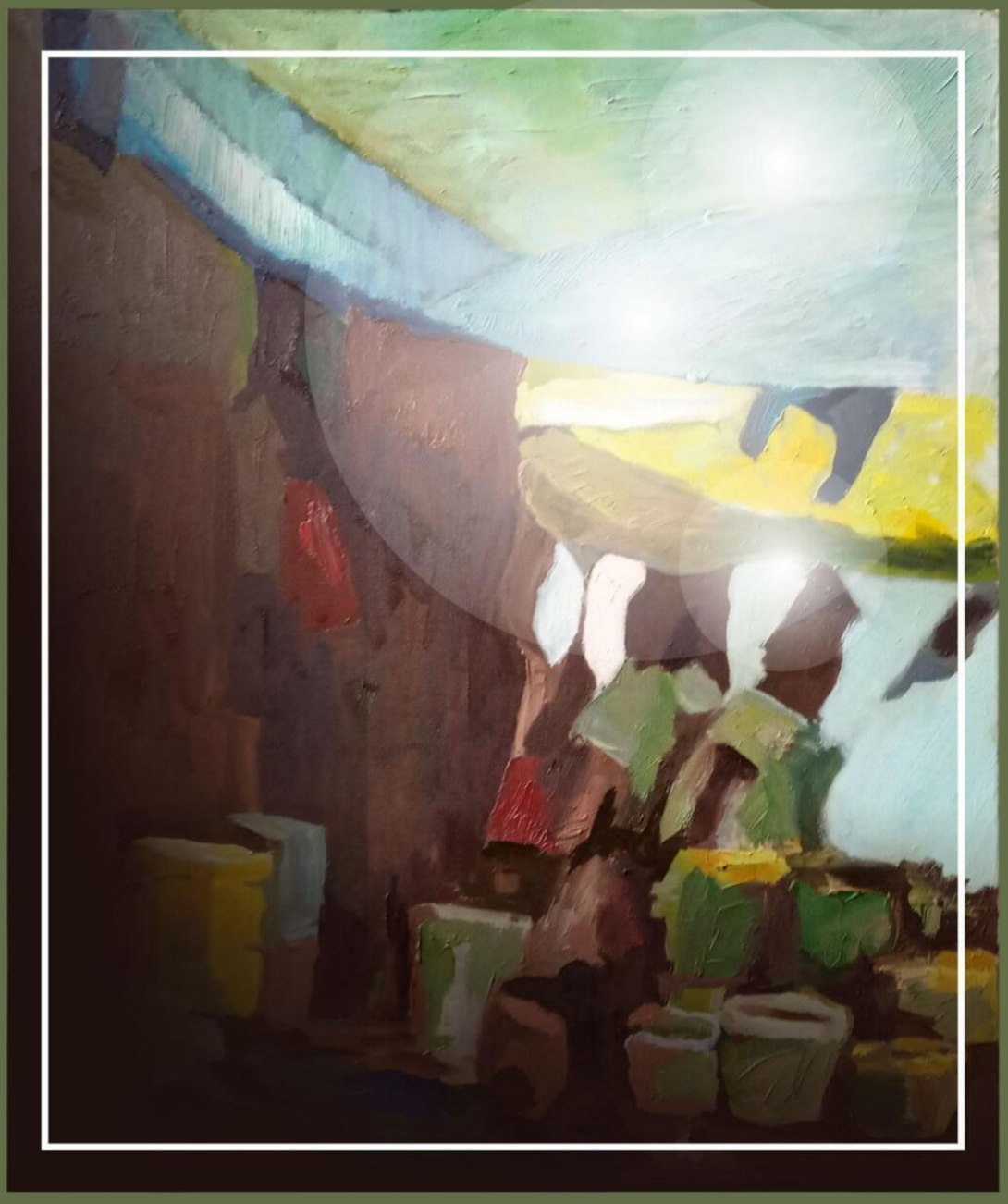
Н. Люсич

СТАРАЯ ЗНАКОМАЯ

повести и рассказы

2024г

Н Люсич

Старая знакомая. Повести и рассказы

«Автор»
2024

Люсич Н.

Старая знакомая. Повести и рассказы / Н. Люсич — «Автор», 2024

Сборник повестей и рассказов состоит из наблюдений и заметок, написанных на основе историй из жизни. Однако, ни один из рассказов не является изложением реально произошедших событий, поэтому все персонажи вымышлены, любые совпадения случайны.

© Люсич Н., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Следопыт 5
Приключение 7
Музыка трамваев 8
Приветствие солнцу 10
Последний портной 11
Целительница 12
Клоуны 13
Ноев ковчег 15
Яблоки 17
Восковая птица 20
Благие намеренья 22
В чужом городе 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Н Люсич
Старая знакомая. Повести и рассказы

Следопыт

Разбирая стопку школьных тетрадей, я наткнулся на несколько листков, написанных моим детским почерком. Они были вырваны из разных блокнотов и аккуратно сложены в одну папочку, видимо, моей мамой.

«5 июня. Были в деревне. Ходили по лугу, где пасутся коровы. Увидел чью-то нору. Кто там живет? Может быть, хорек? Около норы лежат две большие гладкие палки, – их кто-то здесь бросил. Вокруг земля истоптана. Похоже, в нору лезла лошадка, пыталась палками выгнать хорька, потом бросила палки и ушла. Папа сказал, что лошадка не может держать палки, потому что у нее нет рук.

30 января. Ходил на лыжах по двору, на снегу увидел след мышки. Интересно, куда же бежала эта мышка? Прошел по следу до куста, но тут он неожиданно прервался. Слева видны кошачьи следы, но их пути не пересекались. Куда же делась мышка? Ничего не понял, потому что мама позвала домой и не дала во всем разобраться.

14 мая. Мы ловили рыбу с высокого берега. По склону полз ужик с точками на ушах. Он испугался нас, упал в реку и поплыл, держа голову высоко над водой. Папа сказал, что ужи любят плавать. Интересно, какой уж это ему рассказал? Потом я увидел на дороге змеиную шкурку. Она была целая, даже с мордочкой и отверстиями для глаз, но без точек над ушами. Как можно выбраться из собственной кожи, словно из комбинезона? Странно это происходит у змей.

Около реки есть заводь, туда намылся белый песок, и образовалась большая лужа наподобие озерца. Зеленая лягушка прыгнула под воду, и я не мог найти, где она вынырнула. А что, если она задохнется там, на дне? Наверное, ужик поможет зеленой лягушечке выбраться из лужи, и они поженятся. Ужик может нарядиться в ту змеиную шубку и будет, как гадючка. Например, будет ползать в ней на работу или на змеиные собрания, и никто не узнает, что он просто ужик».

Я перечитал свои детские заметки, но не мог вспомнить, когда именно это было написано. Желание вести дневник в детстве особенно сильное, но, помимо него, еще столько всего происходит важного, что сосредоточиться на записях больше пары дней подряд не получается. Однако, судя по этим заметкам, мне уже тогда было интересно разглядывать то, что под ногами и делать из этого серьезные выводы.

Видимо, я так и остался следопытом до сегодняшнего дня. Если на улице зима, я обязательно смотрю по следам, кто приходил, кто ушел, а кто дома. Мне интересно, зачем открывали сарай, и почему кошка просидела снег до земли на том самом месте у забора.

Однажды мы с другом шли по песчаной дорожке, а на ней виднелся след трактора, протектор которого имел характерный геометрический рисунок. Меня вдруг заинтересовало, можно ли по отпечатку колес определить, куда ехал трактор – к лесу или от леса. Когда я спросил об этом, он посмотрел удивленно под ноги и сказал:

– Как вообще тебе пришла в голову эта мысль? Для меня не существует даже и самого этого следа!

На днях мы приехали с сестрой в деревню. Была зима, и ей надо было проверить отопление в доме, а заодно встретится с одним знакомым, который обещал помочь разобраться с котлом. Пока она занималась домашним хозяйством, я решил прогуляться до реки. День был

морозный, солнечный и безветренный, и я ушел дальше, чем планировал, поэтому на обратном пути решил срезать путь через огород деда Ивана. Он по старости не чинил обвалившийся забор, и местные давно уже протоптали тропинку через его владения.

Подходя к его дому, я устыдился. Вот дед Иван сидит у окна, глядит на меня и думает, какой нахал ходит по его двору? И тут вдруг я заметил, что от его двери идут свежие следы. Думаю, хорошо, значит, он ушел, стесняться нечего. Шагаю дальше, а следы все вьются передо мной… и заворачивают к нашему дому. Зачем это дед Иван пожаловал?

Но никакого деда у нас не оказалось, а на кухне сидел тот самый мужик, которого ждала сестра. Он рассказывал, что только с автобуса, и как трудно было добираться.

– Вы же только что с Речной улицы пришли, от деда Ивана, – говорю я.

– Нет, я на автобусе приехал на 13.40, – врет мужик.

Он не признался, но я и не настаивал. Я знал, – люди могут лгать, но следы не лгут.

Приключение

Кода моему сыну было двенадцать лет, мы часто катались на велосипедах. В этом возрасте Паша был бодр и энергичен, но он не любил ничего нового и легко раздражался по мелочам. Если подумать, Паша таким и остался до сих пор, хотя теперь он научился это скрывать.

Как-то раз мы поехали в заброшенный карьер, который находится недалеко и считается городской лесопарковой зоной. Вглубь карьера ведет несколько тропинок, проезженных между высокими белыми склонами, а внизу поднимается молодой осиновый лесок.

На момент выезда я не обратила внимания, но собрались прокатиться мы сразу же после дождя. Вниз съехали легко и весело по белой тропинке из известняка, обогнули осиновую поросль и стали подниматься по противоположному черноземному склону, где дорога раскисла. Очень быстро на колеса намоталась земля, они перестали крутиться, и нам пришлось тащить велики, скользя по грязной дороге. Паша злился.

– Зачем мы сюда поехали? Посмотри, на кого мы похожи!

– Ничего страшного, – успокаивала я по началу, – до дома не так уж и далеко – дойдем потихоньку.

– Это ужасно! Посмотри на колеса! И на обувь!

Я молчала, а он выдерживал паузу на минуту – другую и начинал снова:

–Дурацкая была затея! Мы все в грязи! Велосипеды не едут! Ненавижу эту дорогу!

Я слушала все это, слушала и, наконец, взорвалась:

– Что ты орешь? Это весело! Это же приключение!.. ПРИКЛЮЧЕНИЕ!!! Понял?

Он понял это, но позже, не в этот раз. Когда мы отмывали велосипеды из шланга, снимали грязевую одежду и обувь, он все еще был крайне возмущен.

Но, этим же летом произошел другой случай. На выходных мы гостили в деревне у моей сестры, и вечером пошли прогуляться за реку небольшой компанией – двое взрослых и четверо детей. Мы перешли на другую сторону по деревянному мосту и повернули на тропинку, идущую между лесом и рекой. Только что прошел дождь, и в воздухе стоял туман, а на каждой еловой иголочке висела капелька, пахло дикой мятой, которая в тот год сильно разрослась по берегам. Постепенно мы уходили все дальше и дальше, надеясь вернуться обратно через брод, который был километрах в двух от моста, но тропинка упрямо уводила нас в лес. Мы свернули с тропы, чтобы выйти к реке и пошли через поля в направлении предполагаемого брода. От высокой травы одежда намокла по пояс, стала тяжелой и липкой, а мокрая обувь натирала ноги. Начало смеркаться. Мы не понимали, в каком направлении идем, а возвращаться обратно было уже далеко.

Мы с Ларисой не подавали виду, что заблудились. Дети шли следом за нами, растянувшись длинной цепочкой. Обогнув какое-то болотце, мы резко забрали вправо, и вдруг совершенно неожиданно перед нами появился берег реки, да еще, то самое место, которое мы искали, – именно здесь был брод.

Поскольку ничего сухого на нас уже не осталось, мы прямо в одежде перешли на свою сторону и плавали в ночной реке, как будто, так и было задумано. Над самой водой стелился туман, густой, как в бане, а небо над нами было чистое, темное и звездное.

И вот тогда Паша подошел ко мне поближе и шепнул на ушко так, чтобы никто не услышал:

– Я понял, это и есть приключение, да?

Музыка трамваев

У Миши от рождения было слабое дыхание. Если он заболевал, то кашель невозможно было вылечить месяцами, и в возрасте трех лет ему поставили диагноз «бронхиальная астма». Лечащий врач из областной больницы при выписке сказал: «Отдайте мальчика лет с шести на какой-нибудь духовой инструмент. Он будет дуть в трубу, разовьет легкие и дыхание выровняется».

Когда пришло время, мы отвели Мишу в музыкальную школу для обучения игре на флейте с пониманием того, что все сделали правильно. Примерно через пару месяцев нашего флейтиста вернули обратно. Учительница вывела его в узкий школьный коридор, завешенный портретами великих композиторов и наполненный какофонией музыкальных инструментов, и сказала:

– Мы напрасно теряем время. Он просто не дует, поймите, я не могу его заставить!

Миша стоял с флейтой в руке и смотрел на меня взглядом, означающим «не хочу и не буду». С музыкой было покончено.

Кашель, правда, тоже прошел со временем сам по себе, как говорится, перерос.

Похожая история случилась и у моей соседки. В их чудесной артистической семье, где мама играла на фортепиано, а папа пел в опере, было решено отдать дочку на раннее обучение в музыкальную школу. Есть такие классы для особо одаренных детей, куда принимают с четырех лет. Родители повели дочь в музыкальную школу, но та даже не стала сидеть за инструментом. Зажатая между спинкой стула и клавиатурой, она некоторое время глядела на свои руки, лежащие на клавишах, слушала, что ей говорят, а потом резко съезжала со стула под пианино. Брыкс! Урок окончен.

Так и не завелись у нас музыканты в новом поколении.

Я вспоминаю об этом, когда мой оперный сосед распевается в дальнем углу огорода:

– Ми, ми, ми-и-и! А-а-а-а! Ми-и-и…

Правда, мой старший сын все же приобщился к искусству, хотя и не совсем так, как нам это представлялось.

Паша окончил музыкальную школу по курсу фортепьяно, но как-то незаметно для самого себя и для нас. Инструмент совсем не увлек его, – кое-как, на двойки и тройки, он отучился положенные семь лет, и больше никогда не играл и не вспоминал об этом.

Когда Паша перешел в старшие классы, я стала брать его с собой в депо на оклейку троллейбусов.

Трамвайно – троллейбусное депо располагается за высокой стеной почти в центре города. За проходными – зеленая зона размером с приличный парк. В траве проложены рельсы для трамваев, где они стоят друг за дружкой и ждут своей очереди на выезд, а также большой асфальтированный плац для троллейбусов. Мы работали в большом одноэтажном здании, где транспорт моют, чинят, красят и снова выпускают в город. Это здание – большой гараж со множеством парковочных мест, смотровыми ямами, нависающими сверху проводами и металлоконструкциями. Из гаража есть два выезда друг напротив друга, и, если ворота открыты с обеих сторон, они образуют настоящую аэродинамическую трубу. Здесь сумеречно, потому что свет проникает сквозь маленькие закопченные стеклышки высоко под потолком, которые не мылись со времен создания депо. Звуки отдаются гулким эхом, пахнет мазутом и сваркой, рабочие ходят в замасленных спецовках по своим делам, – кто со скрипучей тележкой, загруженной проводами, а кто со ржавыми дверьми от троллейбусов. Только во время обеда они

собираются вокруг импровизированного стола, чтобы поиграть в домино, в это время воцаряется тишина.

Наша задача состояла в том, чтобы нанести пленку с рекламным изображением на борта. Работа, вроде, простая, но почему-то, очень изнурительная. Может быть, место для этого не приспособлено – инструменты и пленка на полу, мы всем мешаем, и весь день на ногах. Один мой коллега, склонный к мистике, утверждал, что это из-за колес, на которые наматывается весь городской негатив. Версия спорная, но, кто знает? Правда, возникает резонный вопрос, – куда же собирается весь городской позитив, ведь он тоже должен где-то накапливаться?

Примерно с третьего или четвертого раза Паша почувствовал себя знатоком нашего дела, привык к обстановке, и даже полюбил троллейбусы и депо. Секрет заключался, наверное, в той самой специфической атмосфере, которая сохранилась здесь, бог знает с каких лет.

– Паша, что там у тебя играет? Сними наушники, – ты не слышишь, что я тебе говорю!

Он все время слушает музыку. За подростковый период Паша прошел путь от Rammstein до альтернативной классики. Мне даже интересно, – что теперь? Начинать круг заново? Хотя, способность воспринимать музыку, как и любую другую информацию, с каждым поколением возрастает.

Как-то в воскресенье мы облагораживали старый деревянный трамвай. К приближающемуся празднику нужно было нанести на борта пленку с зелеными вензелями и надписью «Я люблю свой город!». Чудо – трамваю в следующем году должно исполниться 100 лет, но он еще в состоянии проехать круг по городу, протрясая на своих деревянных скамьях десяток-другой важных персон. Этот не вымерший динозавр на колесах – достопримечательность депо, у него даже есть имя Лип Липыч, оно написано спереди, над единственной круглой фарой, расположенной ровно по центру.

Рабочих в тот день почти не было, только где-то в дальнем углу цеха работал то ли кузнечный мех, то ли какой-то пневмомолот. Он-то и задавал ритм всему пространству цеха, и подчинял себе другие шумы, – лязганье, скрежет, хлопанье, уханье, а также редкие выкрики рабочих. Все вместе это звучало довольно слаженно и даже мелодично. Паша некоторое время прислушивался к звукам, а потом воскликнул:

– О, это прямо новый альбом Einstürzende Neubauten, – имея в виду группу, играющую в стиле индастриал, где в музыку вплетены промышленные шумы.

– Это не их альбом, а твой, – ответила я, – ты услышал и создал эту музыку внутри себя. А всего-то и надо было просто снять наушники!

Приветствие солнцу

Заниматься йогой я начала еще в институте, поэтому, спустя десяток лет, я вполне осознавала, какую мощную позитивную энергию дают организму асаны. К этому времени дети уже подросли, и я решила познакомить их с йогой с малых лет, – пусть знают хотя бы одну коротенькую, но очень эффективную зарядку, которую они могли бы пронести через всю жизнь и всегда найти в ней поддержку, помощь, просто хорошую привычку, которая бывает нужна в сложные периоды жизни. Им тогда было лет двенадцать – тринадцать, не такие уж маленькие детки, но еще и не взрослые. Самое время прививать здоровые привычки.

Я думала, надо научить их, хотя бы, Приветствию солнцу. Это небольшой цикл асан, который делается по утрам, с поклонами и прогибами назад, он отлично тонизирует позвоночник и дает бодрость на весь день.

Кто бы мог подумать, но именно в это время вышел фильм «Американский маньяк». Дети этот фильм смотрели, а я знала только понаслышке. Там была какая-то неправдоподобная история про человека, который привык брать от жизни все самое лучшее – самую вкусную еду, самую изысканную одежду, самые дорогие вещи. Но, потребляя все самое лучшее, он свихнулся и стал маньяком. И, конечно же, по утрам он делал самую лучшую гимнастику – Приветствие солнцу.

На мое предложение обучить их лучшей зарядке на свете, Паша состроил кислую мину и спросил: Ту самую, какую делал американский маньяк, чтобы окончательно свихнуться?

Что можно на это ответить?

Так и провалилась моя затея с йогами и зарядками для детей.

Последний портной

В конце ноября выпал снег. Мокрый, тяжелый, липкий. За одну ночь он перелистнул страницу «сырая осень» на «снежная зима». Когда снегопад иссяк, на улице подморозило, и наступила настоящая новогодняя погода, – белоснежный вид за окном и убедительные минус три градуса. Чего еще желать?

Дома не сиделось, – я поехала по разным делам с той только целью, чтобы походить по снежному городу. В такие дни даже город бывает прекрасен.

В числе прочего, надо было оплатить счет за свет и воду. Инстанция, называемая ЛЭСК – наш монопольный поставщик электроэнергии. Офис ЛЭСКа соответствует всем современным требованиям присутственных мест – большой зал, электронная очередь, оранжевые диваны, девушки с корпоративными платочками на шее и охранник, – невысокий худенький мужчина лет пятидесяти, светловолосый и доброжелательный, в черной форме с надписью «Охрана». Не зная, чем заняться, он медленно ходит взад-вперед от окна номер один до тумбы выдачи билетов. Сразу видно, что должность не обязывает его быть громилой, просто есть такая штатная единица. Вдруг я узнала в нем того портного, с которым раньше мы работали в соседних мастерских.

Еще год назад Александр Иванович арендовал небольшую комнату под ателье, где вместе с женой и двумя наемными швеями выполнял заказы по пошиву одежды. Помнится, однажды в общем коридоре я стала свидетелем того, как он подгонял пиджак по фигуре округлого кучерявого дяденьки. С булавками в углу рта и сантиметром на плече, Александр Иванович олицетворял образ настоящего портного из детской книжки. Когда я шла по коридору обратно, Александра Ивановича уже не было – он ушел с пиджаком к швейной машинке, а дяденька, переполняемый чувствами, обратился ко мне:

– Представляете, это последний мужской портной в городе! Кроме него, некому и костюм пошить!

Я улыбнулась в ответ и кивнула головой в знак уважения.

Прошел год – другой; ателье сначала переехало в меньшую комнату ради экономии, а потом и вовсе перестало существовать.

Мой бывший сосед Александр Иванович устроился работать охранником в тот самый ЛЭСК, а его жена ушла шить праздничное облачение для епархии. Оказалось, что есть еще небольшая ниша, которую еще не занял вездесущий китайский бизнес, готовый обеспечивать одеждой весь мир.

Я сидела на корпоративном диване с талоном в руках и поглядывала на последнего портного нашего города, ставшего охранником оранжевых диванов. Вот он стоит или ходит из угла в угол день за днем, забывая свое умение и теряя навык. По-моему, это трудно – весь день ничего не делать, но за это ему платят зарплату.

Целительница

Баба Тося жила в Горячеводске, южном городке, населенном представителями самых разных национальностей. Кроме русских семей, здесь жили армяне, азербайджанцы и кабардинцы, но ее соседями по двору были цыгане.

У цыганской жизни свой уклад, – они селятся целыми кланами в больших домах, покупают одинаковую одежду всем женщинам своей семьи и готовят еду сразу на весь табор. Мужчины зарабатывают продажей конопли и мака по своим цыганским каналам, торгуют ворованными машинами и часто сидят по тюрьмам. Цыганки с началом лета уезжают продавать поддельный мед, который варят из сахара в течение короткой зимы. Полгода за детьми присматривает одна из родственниц, которую вовремя не выдали замуж, и теперь ей приходится быть мамкой всему подрастающему поколению многочисленной семьи. Детей учат в местной школе, но только до четвертого класса, чтобы они умели считать деньги и расписываться, а остальную науку считают излишней. По поликлиникам цыгане ходить не любят, хотя также болеют, как и все остальные люди.

В роли врача баба Тося оказалась совершенно случайно, поскольку она не имела никаких познаний по этой части, и особого призвания тоже. Ее целительство началось с одного случая, когда шустрый цыганенок Ромка упал с велосипеда, пытаясь перепрыгнуть на нем через канаву, и баба Тося взялась помочь смазать йодом ссадины и синяки, потому что худющей визгливой Каринке, присматривающей за десятком племянников, он не давался. Когда Ромка был полностью обработан, йодовую сетку нанесли на большую шишку за ухом у деда Богдана, а также помазали все болячки у детей, прибежавших посмотреть на лечение.

С тех пор так и повелось. Если соседи нуждались в медицинской помощи, то тяжелая баба Тося, кряхтя, брала свой волшебный пузырек, вату и спички, и со знанием дела шла лечить цыган.

Йодовая сетка помогала от бронхита и вывиха, от непонятной сыпи, шишек и синяков, а от любых ранок – сам Бог велел. Со временем баба Тося обрела статус знахарки, и одно только появление ее внушительной фигуры говорило о том, что помощь пришла, и скоро все наладится.

Сама целительница в лечении своем никогда не сомневалась, потому что была твердо уверена, что люди не болеют такими болезнями, которых нельзя вылечить йодом и добрым словом.

Клоуны

С утра пораньше тетя Валя затеяла варить вишневое варенье. В клеенчатом фартуке и с белым платочком на голове, завязанном узлом наверх, с длинной деревянной ложкой в руке, она стояла на летней кухне, щурясь в лучах солнца. В это время дня свет падал именно на газовую плиту, где в большом медном тазу никак не закипала вишня, пересыпанная сахаром еще с вечера. На кухне стояла духота, и все двери были открыты настежь. Стараясь остаться незамеченным, за спиной тети Вали проходил ее младший сын Вася, тихий и осторожный, как богомол. Он был студентом второго курса Московского политехнического института, а летние каникулы проводил дома, получая семейные нравоучения и советы, которых благополучно избегал в течение учебного года. Тетя Валя почувствовала присутствие сына.

– А ну-ка, стой! – она повернулась к Васе, – ты разговаривал с Борисом?

– Да, разговаривал.

– И что?

– Ничего. Я не знаю, какую работу он предлагает. Я даже не понял, чем занимается их фирма.

– Хорошая французская фирма, – Борис в ней уже два года работает. В Китай летает часто, на Камчатку тоже.

– И зачем он туда летает?

– Вот, у него и спроси.

– Ма, это глупость какая-то, устраиваться, не зная куда.

– Не глупость, – тыча в сына поварешкой, басила тетя Валя, – у Бориса начальник из твоего института, он к себе выпускников как родных принимает.

– Ну, хватит уже!

– Слушай маму, она все правильно говорит, – в дверях кухни появился сосед с ведром огурцов.

–Ах, как пахнет! Люблю этот запах с детства, а варенье не ем.

– Ген, ты что ли? – тетя Валя убавила огонь и повернулась навстречу гостю.

– Вот, пересыпьте куда-нибудь, а ведро я заберу, – деловито распорядился сосед.

– Ой, спасибо! У нас еще нет огурцов, а у вас-то теплица, – видишь, какие вымахали!

– Да, и завязи еще много, – Гена пытался самостоятельно найти пустой таз или ведро, – а жена говорит, отстань со своими огурцами, не буду в этом году их закрывать, еще прошлогодние не съели!

Тетя Валя достала большую эмалированную кастрюлю из-под стола:

– Вот, сыпь сюда. Спасибо большое. И скажи вот ему, что родня лучше пристроит в жизни, чем он сам себе придумывает.

Дядя Гена высыпал огурцы и присел на табурет.

– Лучше, чем родня, никто не пристроит, это да. И всегда так было. Вот, послушай!

Вася оперся о стенку, скрестил руки на груди, и изобразил на лице внимание.

– Живет у меня в Москве родной брат, уже лет пятнадцать, как он там обосновался, должность занимает хорошую, деньги большие получает. А как все вышло? Раньше он здесь жил, в родительском доме, ни чем особо не блистал, – окончил школу, да в армию пошел, а, как отслужил, то стал работу искать. Устроился сначала на наш завод, в тот цех, куда всегда вакансии были. Там болванки отливали из чугуна дореволюционным методом. Сейчас уж этот цех снесли, а тогда, знаешь, как это делалось? Помещение такое, ну, размером со спортзал, а вверху – рельса, на ней по периметру висят вагонетки с двумя ручками, а в одном углу металл расплавленный льется. Берешь и толкаешь эту тачку по рельсу, – наливаешь жидким чугуном

дополна и толкаешь по кругу, разливая по формам, пока тот не остыл. И так весь день, – температура огромная, дышать нечем, искры, опять же, отскакивают. Одним словом, как черт в аду.

Работал он там, может, год – другой, да бросил. Платили мало, – труд-то неквалифицированный. Помыкался он туда- сюда и устроился в Дом культуры работником сцены. Только там он денег и вовсе не видел. Во времена перестройки такое бывало – вроде, зарплату тебе начисляют, а когда отдадут, неизвестно. Так что он туда просто так ходил, – вроде занят, не бездельничает. Ну, а в Доме культуры у нас все пьют, да и он был выпить не дурак. Однажды сидели они за сценой, квасили с двумя штатными клоунами, и разговор зашел за технику. Брат говорит, мол, разбираюсь в компьютерах, как большой специалист, и совет какой-то дал одному из этих клоунов. А тот расчувствовался, говорит: «Хороший ты, Николай, человек, я тебя пристрою на теплое место, коль ты у нас такой знаток». У этого клоуна сын работал в Москве, в офисе большого бизнесмена. Ему, как раз, нужен был такой человек, чтобы разбирался во всем, – в телефонах, видеокамерах, разных приставках. Этому бизнесмену, понимаешь ли, дарили много разной аппаратуры, а ему не досуг было с ней возиться. А нанимать компьютерщика для этого вроде как не резон. И уехал Николай в Москву, да так там и остался, при этом самом офисе. И ни за что ему не видать такой должности, если бы не та протекция. Так что, дружок, мотай на ус, – судьбу нашу решает не учеба и не старание, а случай и пьяные клоуны. Да…

– Ген, ну разве это ты хотел сказать? – тетя Валя недовольно постучала ложкой о тазик.

– Ну, выходит, и это тоже. В общем, Василий, можешь даже и не узнавать, чем там они занимаются, а иди и устраивайся, пока тебе предлагают.

Вася что-то пробубнил себе под нос, взял с вешалки рюкзак и ушел из кухни.

– Ну, и мне пора, – поднялся дядя Гена,

–Бывай, – отозвалась тетя Валя ему вслед, – иж ты, – пьяные клоуны! А как же учеба?

Ноев ковчег

Дед Юра и его внук Сева сидели за кухонным столом и занимались каждый своим делом – старший подтачивал напильником прокладку для машины, а младший играл с космическим кораблем, у которого открывалась дверца, и туда помещались солдатики и космонавты. Сева был молчаливым ребенком, и умел слушать, поэтому дедушка всегда ему что-то рассказывал. Сказок он не знал, поэтому вспоминал разные истории из жизни или просто озвучивал вслух мысли, приходившие в голову.

– Твой корабль похож на ковчег, если его на бок положить. Знаешь, что такое ковчег? Это большая крытая лодка. Есть такая история, что древний предок по имени Ной, предвидя всемирный потоп, взял каждой твари по паре, посадил их в огромную лодку и вместе со всеми этими животными пережил потоп, плавая по воде. Потом остальные люди утонули, а Ной заселил землю снова, и каждая пара животных размножилась, распространяя свой вид по земле.

– А зачем по паре? – спросил Сева машинально.

– Так было надо, – ответил дед Юра и на некоторое время задумался, – знаешь, Сева, это очень интересный вопрос. Почему так устроено, что у потомства должно быть два родителя? Так ведь происходит в большинстве видов. Даже деревья, и те двуполые! Все эти пестики и тычинки… Почему нельзя было сделать так, чтобы дети просто отпочковывались от родителя по весне или когда он наестся как следует? Тут какая-то тайна, я подумаю над этим, но едва ли эта загадка мне по зубам. Вот что интересно, – все люди знают про Ноя и великий потоп, и эта история с ковчегом во времена моей молодости подвергалась разным насмешкам. Например, зачем он собрал скорпионов, мышей или навозных жуков, ведь в новый мир их можно было просто не брать? Как он смог всех отловить, и чем кормил животных в течение того года, пока они плавали в закрытой лодке? Но, знаешь, сейчас мне кажется, что все там верно описано, только в словах, понятных древним людям. Эта была просто притча того времени, чтобы доступно объяснить то, что произошло. И потоп этот, тоже, как мне кажется, был не настоящим, а скорее метафорическим. Просто однажды что-то истребило всю жизнь на Земле, и она была заселена заново из ковчега. И вовсе это не лодка, а что-то наподобие космической станции с набором генетического материала внутри. Когда на Земле не осталось почти ничего живого, эта станция расконсервировала образцы и заново заселила Землю. Вот что я думаю.

Под непонятные речи деда Сава уже три раза победил армию врага, и не услышал почти ничего, кроме знакомого слова.

– Консервы? – оживился он, – а какие – сгущенка?

– Нет, другие, с семенами, с насекомыми, с бактериями. Я так думаю, там были почти все виды животных и птиц, которые живут сейчас на Земле, ну, кроме тех, что не выжили. Вот подумай, разве может инфузория-туфелька долго-долго плавать, пока не превратится в рыбу? И, если она все же превратится в рыбу, то уже не должно больше остаться туфелек – все стали бы рыбами, из рыб – ящерицами, а из ящериц – собаками. И так далее. Если придерживаться утверждения, что человек – венец творенья, то никого бы и не осталось на земле, кроме него – все живое постепенно эволюционировало бы в человека. Но это не так! Даже инфузория-туфелька пожелала остаться собой, не превращаясь ни в кого.

– Туфелька, как в той сказке, где ее потеряла принцесса?

– Нет, это – про Золушку, а я говорю про теорию Дарвина.

– Понятно. Я хочу сгущенного молока!

– Подожди, послушай. Я думаю, что его теория эволюции, это, скорее, систематизация биологических видов по сложности, то же самое, что таблица Менделеева в химии. Так – да, тут я не спорю. Но говорить о том, что из простейших развились другие виды, это то же самое, что

утверждать, что водород был прародителем гелия, а через миллион лет гелий стал литием… Все-все, сейчас будет тебе молоко.

Дед Юра встал из-за стола и направился к холодильнику.

– Покажу тебе потом в атласе папоротник, – всегда им восхищался! Кусты папоротника росли у нас в палисаднике, когда я был маленьким. Представляешь, этому растению более 400 миллионов лет! Что до меня, так это и представить невозможно! Папоротник еще динозавры ели, и вот, пожалуйста, – растет у нас в палисаднике! Почему он не эволюционировал в баобаб? И размножается спорами, древним способом, который сейчас у растений не в моде. Знаешь почему? Потому что вид остается видом, – не получится из папоротника ничего другого. Только они, видимо, более раннего посева, чем последняя высадка биоматериала на нашей планете… Одно слово, допотопные!

Сева пил молоко и думал, какой же древний у него дед, – миллион лет живет с папоротниками в палисаднике, и помнит, как его динозавры ели.

Яблоки

Раиса Ивановна, давняя бабушкина подружка, как-то раз по осени пригласила нас с мамой на свою дачу. Она сетовала на то, что «яблок дюжа много энтим годом, и нет уж сил их убирать, все закромя переполнены». Не зная, что именно она называет словом «закромя», мне привиделся некий деревянный сарай, пронизанный тонкими лучиками света, падающего сквозь щели досок. Представилось, как там стоят ящики с яблоками, переложенные свежей стружкой и благоухающие ароматом поздней антоновки. По приезду выяснилось, что «закромя», это две компостные ямы, в которые Раиса Ивановна выбрасывает падалицу. Дело в том, что она не ест яблок. По деревенскому обычаю Раиса Ивановна всю жизнь воздерживалась от яблок до Яблочного спаса, а потом перестала их есть вовсе, и на данный момент ее задача состояла в том, чтобы просто наводить порядок под деревьями. Каждую осень она сгнаивала весь урожай, не видя в яблоках ничего, кроме лишней заботы.

Мы с мамой пообещали приехать, набрать себе пару ведер и помочь убрать падалицу.

Дача Раисы Ивановны находится недалеко от нас, – не доезжая до окружной дороги, надо свернуть влево на узкую разбитую колею, ведущую в садоводчество «Цементник». Там, по улице Вишневая, за старым забором из штакетника, стоит маленький выцветший домик номер 1129, это и есть та самая дача.

Сад Раисы Ивановны ее такой же старый, как она сама, но никто из детей и внуков не желает заботиться об этом клочке земли. Раньше иметь небольшой участок для земледелия было просто необходимо. Там выращивали огурцы и помидоры, картошку и капусту, лук и морковь. До следующего урожая семья ела то, что вырастила за лето, к тому же выходные дни были заняты полезным трудом на свежем воздухе, – вроде бы, и отдых, но, это как посмотреть.

Кроме того, урожай надо было сохранить. Помидоры и огурцы солили или мариновали в трехлитровых банках. Из клубники, малины, вишни и смородины варили компоты и варенья, которые тоже были востребованы зимой за неимением других сладостей. Этим хозяйки обычно занимались по вечерам, захватывая часть ночи, так как перемыть стеклянную тару и овощи, накипятить воды для двух повторных заливок, укупорить и отправить в подвал – это не быстрая и нелегкая работа, учитывая августовскую духоту и жар кипятка. В те годы казалось, что жизнь может быть только такой, – картошка в подвале, огурцы с помидорами на полках, варенья в ряд, значит, перезимуем. Сейчас нужда в натуральном хозяйстве отпала, и на свои «шесть соток» с будками из картона хотят только пенсионеры, привыкшие к грядкам и тяпкам, а большая часть садовых участков заброшена за ненадобностью.

Старые сады теснятся вокруг города, охватывая его почти со всех сторон. Если посмотреть по карте, то садоводческие товарищества занимают едва ли не большую территорию, чем жилая часть города. Дачи образуют свое полудикое зеленое царство с множеством узких улочек, по которым где-то можно проехать на машине, а где-то и нет. Осенью здесь все оплетено девичьим виноградом – обычным спутником заброшенных мест. В конце сентября виноград становится темно-красным, бурым, бордовым. Это цветовое симфоническое форте, несвойственное нашей средней полосе, напоминает мне, то ли европейские средневековые замки, то ли древнегреческий лабиринт с Минотавром. Кто-то неместный, со стороны, наверное, спросил бы, почему все заброшено, и куда делись люди, строившие эти домики и сажавшие деревья? Но, даже зная правильный ответ на этот вопрос, все равно удивляешься пустым садам и понимаешь, что налицо окончание целой эпохи частного земледелия.

Мы приехали через день после приглашения, в половине девятого утра. Ночной холод еще держался в тени, но солнце уже пробивалось сквозь кроны деревьев и прогревало откры-

тые места мягким теплым светом. Пахло падалицей, сыростью и свежим луком. Вокруг стояла та особая холодная тишина, которая обычно свойственна осеннему лесу.

Калитка оказалась закрыта изнутри на замок, и мы с мамой некоторое время по очереди кричали, пытаясь обратить на себя внимание. Наконец, Раиса Ивановна нас заметила, воткнула лопату в землю и направилась к нам.

– Иду, иду, – приговаривала она по ходу, – я ведь слышу-то плохо, а закрываюсь всегда, потому, что страшно тут одной.

Раиса Ивановна казалась очень маленькой в своем старом блеклом плаще, застегнутым на все пуговицы, и с синим шерстяным платком на голове, повязанным по старинке, с узлом под подбородком, однако она двигалась достаточно бодро для своего возраста.

Раиса Ивановна еще в молодости приехала из деревни, работала на заводе, растила пятерых детей. Сейчас ей уже за восемьдесят лет, у нее есть и внуки, и правнуки. Раньше она часто приходила к нам в гости и помогала бабушке в разных житейских делах – закваске капусты, пересадке клубники или уборке картофеля. Она всегда была за общим столом в числе приглашенных по случаю дня рожденья, Пасхи или Международного женского дня, но это было давно.

Когда бабушка умерла, Раиса Ивановна помогала нам с похоронами, в результате чего мы узнали много нового про этот обряд. Она говорила, что покойник должен быть обязательно в рубахе с длинными рукавами, чтобы отмахиваться ими он огненного пламени, что на помин нужно раздавать только ложки, потому что, если этого не сделать, то, переплывая реку, ему будет нечем грести. Кроме того, ложки обязательны для какого-то загробного сидения вокруг большого котла, в котором находится еда, а ложка должна быть у каждого своя. Тут же выяснилась история про яблоки, – если начать их есть до Яблочного спаса, то на том свете Иисус не угостит яблочком твоих детей. Было что-то еще про проводы души поутру и другие ритуальные премудрости, но я уже забыла. Присказки Раисы Ивановны были похожи на старые народные поверья, хитро сплетенные с православными обычаями. Кто и когда говорил ей эти вещи, Раиса Ивановна не помнила, утверждая, что это знают все. Загробный мир был для нее также прост и понятен, как обычная жизнь, их соединяла только цепь правильных обрядов.

Раиса Ивановна заходит к нам по старой памяти и сейчас, принося скромные подарки с огорода – урожай маленьких вилков капусты, полведерка местных абрикосов или корзиночку мелкого лука. Работает она на огороде с весны до осени, и все делает правильно, как научилась еще в молодости, но труды ее вознаграждаются очень скромным урожаем. Все родится мелкое, до смешного, не смотря на прополку и полив. Может, она берет не те семена, или почву не удобряет, или еще чего-то не понимает уже с возрастом.

– Что ты стоишь? – этим риторическим вопросом мама вернула меня в настоящее и сунула в руки ведро. Я огляделась по сторонам и, наконец, увидела яблони, из-за которых мы сюда приехали.

На даче Раисы Ивановны росло несколько старых, уже не раз опиленных деревьев. Справа у забора доживал свой век «белый налив». Эти бледно-желтые яблоки я помню с детства. Они не сочные, не сладкие и не кислые, мякоть крупянистая, чем-то напоминает перезревшие бананы. Рядом с «белым наливом» рос «штрифель», осенний полосатый сорт, очень распространенный в нашей полосе. Над крышей домика раскинулись ветки мелкой осыпной «грушовки», а в дальнем углу сада виднелась «антоновка», зеленая и твердая, готовая висеть на ветвях до самых морозов. Недалеко от нее росло дерево какой-то зимней породы, немного вытянутой формы с румяными розовыми бочками, может быть, «северный синап».

Но самая большая яблоня, «бельфлер», стояла особняком, и она была лучше всех. Это мощное плодовое дерево напоминало дуб. У дерева был крепкий ствол и высокая ровная

крона, под его ветвями можно поставить длинные столы и справлять свадьбу. Под яблоней лежал пестрый плодово-лиственный ковер сказочной красоты, но основная часть урожая еще висела на ветках. Посмотришь вверх, а там – солнце, оно пробивается между листьев и ветвей, просвечивает сквозь яблоки, делая их полупрозрачными. Правда, до яблок не достать ни палкой, ни с лестницы, остается только ждать, когда они упадут.

Не знаю, почему это случилось именно сейчас, но впервые в жизни простое вездесущее яблоко вдруг предстало для меня как райский плод, и восхитило до глубины души. Через этот восторг я как будто узнала всю суть яблони, поняла и влюбилась. Яблоки – это дар Божий! Их изобилие подобно источнику, где вода течет, не переставая и не кончаясь, ее не надо экономить, за нее не надо платить – она даром. Также и яблоки – их больше, чем нужно, больше, чем можно съесть или заготовить на зиму, ими можно только делиться, раздаривать всем вокруг, и их не станет от этого меньше. Такова природа истинного дара.

Мама собирает падалицу с земли, а я хожу с длинной палкой, к концу которой привязана консервная банка с разрезом, стараясь снять, хоть некоторые, не разбивая.

– Возьмите грабли, – кричит Раиса Ивановна, – я их вот так сбиваю, – и пытается ударить граблями по веткам.

– Раиса Ивановна, не надо.

Не зная, чем еще нам помочь, она бросает грабли и опять возвращается к своей борозде.

Мы собираем яблоки в маленькие ящики, в ведра, в пакеты. Оставить их гнить под деревом не представляется возможным. Собрав бельфлер, переходим к белому наливу, потом к грушовке.

– Мама, что мы делать с ними будем?

– Повидла наварим.

– Так их чистить надо будет целую неделю!

– Ну, ничего, мы вдвоем справимся, да они еще полежат. Угостим соседей, тете Вале отвезем. Еще насушим на зиму, будем компот варить, уксус сделаем. Знаешь, какой он полезный?

Я все гляжу на ветви, склонившиеся под тяжестью урожая, и причитаю:

– И как же вас много! Какая красота! Какое богатство!

– Что-нибудь придумаем, – приговаривает мама, – не пропадет.

Раиса Ивановна принесла показать картошку, какую она накопала:

– Ну, что это за урожай? Горох какой-то. Целое ведро гороха. Вам не надо?

– Нет, спасибо, нам бы с яблоками справиться.

Она подняла голову вверх, оглядела грушовку и вздохнула:

– Куды ж их девать? Своим говорю – приезжайтя, а они – нам не надо. Закромя разваливаются, уж и класть некуда.

– Мы отвезем гнилые на помойку, отвезем, не волнуйтесь.

Дело дошло до Антоновки. Она будет лежать до весны, если снять аккуратно, не ударяя. Я цепляю яблоки консервной банкой на длинной палке, наклоняю в руки маме, а она складывает их в ящик. Но Антоновка крепко держится на ветвях, одно снимаешь – два других падают. Раисе Ивановне это не нравится. Она подбирает упавшие яблоки с земли и бросает их в компостную яму.

Мое восхищение, мамина хозяйственность и наша активная деятельность вокруг этого изобилия неожиданно меняет отношение хозяйки к своему урожаю. Она сердится, и говорит:

– Не надо их ентой палкой, пущай еще повисять, – берет лопату и уходит дальше копать свой горох.

Мы загружаем полную машину яблок, и, сказав «спасибо», уезжаем домой в некотором недоумении.

Восковая птица

В начале девяностых годов вместе с новыми сортами цветов и с доселе невиданными породами собак к нам пришли новые зарубежные фильмы. В полуподвальных помещениях жилых домов стали открываться видеосалоны, и, судя по сеансам, стало сразу отчетливо видно, что, не смотря на количество, их разнообразие не так уж и велико: в 17:00 – боевики, в 19:00 – ужасы, в 21:00 – эротика. Все три разновидности жанра были в новинку, и мы ходили на все подряд, было бы свободное время.

Первые просмотры фильмов ужасов вызывали настоящий страх, тем более, что транслировались они в темноте на обычном телевизоре, висящем под низким подвальным потолком с видеокассет очень плохого качества. Картинка на экране рябила красно-зелеными цветами, звук трещал, а пиратские переводы накладывались искаженным голосом поверх звуков самого фильма. Пытаясь продраться сквозь посторонние шумы и рябящее изображение, все напряженно вглядывались в экран, боясь пошевелиться. Если кто-то случайно громыхал стулом, остальные невольно подскакивали от царившего в воздухе напряжения.

Как-то раз мы сидели на одном из таких показов, и фильм уже подходил к концу. Главный герой, отстреливающийся от нечистой силы внутри полуразрушенного дома, вдруг увидел в окне красивую женщину с длинными распущенными волосами и обнаженной грудью. После этого камера стала отъезжать, и обнаружилось, что нижняя часть тела у нее с птичьими лапами и когтями, как у орла. Наверное, при других обстоятельствах, эта сцена не произвела бы на меня такого впечатления, но тут я вздрогнула. Женщина- птица раскрыла крылья и полетела нападать на героя, и на меня, соответственно.

После сеанса осталось неприятное чувство, но это обычное явление после просмотра фильма ужасов. Сцена из кино забылась через неделю, однако спустя месяц-другой, стало понятно, что что-то произошло. Я стала плохо спать, вздрагивала, все время чего-то боялась, пропал аппетит, и, вообще, было такое ощущение, что внутри что-то сломалось.

–Тебе надо к бабушке сходить, – сказала мама в ответ на мои невнятные жалобы.

– К какой бабушке?

– К хорошей. Я спрошу у соседки. Знаешь, говорят, как к бабушке сводили?

Я слышала это выражение, но не думала, что оно на самом деле может означать какую-то конкретную бабушку. Между тем, соседка дала адрес женщины, занимающейся снятием сглаза или чем-то в этом роде. Не какую-нибудь колдунью или ведьму, а просто бабку, практикующую старинные деревенские ритуалы, к которым относятся заговаривание пупка у младенцев, излечение заикания при помощи манипуляций с ножницами, а также чтение молитв на снятие испуга.

Жила она недалеко, в обычном панельном доме на третьем этаже и не была такой уж старой. «Сейчас мы все сделаем», – сказала она, не дослушав мои страдания до конца. Видимо, причин, которые могут испортить внутренне состояние человека, не так уж много, как и разновидностей фильмов. Она нагрела на плите кружку с воском, посадила меня на порог между ванной и коридором, и, держа над головой ковш с водой, и что-то при этом шепча, вылила в него расплавленный воск. Попав в холодную воду, воск тут же застыл, она аккуратно вытащила его из воды и показала мне.

– Узнаешь?

Воск вылился в форме той женщины-птицы, о которой я уже успела забыть.

Знахарка тут же смяла воск в руке и сказала, что это все. Я заплатила небольшую сумму денег, которую сказала соседка, и ушла.

После этого мои недомогания исчезли, как не бывало. Испуг, вытянутый из моей головы таким странным образом, перестал меня портить.

Столько лет прошло с тех пор, а я все помню, что пообещала принести ей клубники, когда та поспеет, но так и не принесла.

Благие намеренья

Миша и Ольга возвращались с прогулки поздно вечером.

Может быть, слово «прогулка» здесь не вполне уместно, потому, что они нигде не гуляли, а просто ездили на машине за город. Но, есть же «морские прогулки», где тоже никто не ходит пешком, а просто садится на судно, и проводит время, слоняясь по палубе. Значит, такое времяпровождение можно было бы назвать «автомобильной прогулкой», которую Миша с Олей совершали почти каждый вечер на протяжении всего лета уже не первый год.

Они выезжали из освещенного города на темную трассу, миновали несколько деревень, сворачивали на грунтовую дорогу, ведущую к реке, и тряслись по ухабам километра три, следуя за светом фар. На деревенском пляже, пустом и прохладном, они выходили из машины, чтобы поглядеть на звезды, послушать ночные звуки и подышать свежим влажным воздухом спящей реки, после чего возвращались обратно. Миша иногда делал небольшой заплыв, но Оля боялась темной воды и летучих мышей, быстро шнырявших туда-сюда над рекой, поэтому она просто стояла на берегу с полотенцем, ожидая, когда бесстрашный пловец выйдет на берег. Это священнодействие давно превратилось в ритуал, смысл которого был в тщательном соблюдении мелких деталей. Большую часть прогулки занимала именно дорога туда и обратно. Миша любил проводить время за рулем, а Оле нравился комфорт дорогого автомобиля. Они слушали радио или аудиокниги, разговаривали о том, о сем, – это был их способ провести вечер вдвоем.

– Что случилось с музыкой? – Ольге хотелось поговорить, и она аккуратно приглушила радио, – вот, скажи мне, когда, по-твоему, сочинили последнюю стоящую мелодию?

– В семидесятых, наверное, – ответил Миша задумчиво, – ну, в начале восьмидесятых годов еще что-то было интересное. А с тех пор – ничего стоящего.

– Может, это мы утратили способность воспринимать новое, поэтому не понимаем современную музыку?

– Ты про эстраду, что ли? Не смеши меня. Давай, сейчас включим любую, первую попавшуюся…

– Нет-нет-нет! Не надо, – Оля оттолкнула Мишину руку, потянувшуюся к панели управления.

– Про музыку, значит, хочешь поговорить? Хорошо. Ты знаешь, что, когда я гонял машины из Европы, то слушал только радио Шансон? Когда долго едешь ночью один за рулем, то что-то происходит с боковым зрением – кажется, что рядом с машиной кто-то бежит. Голову резко повернешь, а там никого. Но, если смотреть прямо, то оно какое-то время бежит, бежит, потом, раз, промелькнет перед лобовым стеклом и вроде бы исчезнет. Вот здесь очень отвлекают блатные аккорды, – что ни песня, то какая-то невозможная история в восьми куплетах. Например, родила меня мама в тюрьме, и в приюте я вырос, и с детства стал я вором, а банда – отчий дом. Потом полюбил какую-нибудь Нинку-хулиганку, дарил ей браслеты и пистолеты, а она малину всю сдала, ну, и так далее. Ты слушаешь и сопереживаешь, и уже не так жутко.

– Разве может быть жутко, когда ты едешь в своей машине? Эту секунду ты, вроде бы, здесь, а через мгновенье уже и нет.

– Это, как посмотреть. Для того, кто стоит на обочине, так, а для того, кто сидит в машине, по-другому. Однажды я ехал на Москву обычным путем, через Куликово поле. Это дорога такая, не магистраль. Там поворот есть около одной деревни, а за ним кладбище. Сто раз его проезжал. А однажды повернул, а кладбища-то нет! Я скорость сбросил, думаю, ошибся. Потом развернулся, доехал до той деревни, вижу, все верно. И, знаешь что, когда я ехал там месяц спустя, оно опять было на своем месте. Такое вот исчезающее кладбище. Как себя должен чувствовать человек в машине?

– Да, ты ошибся, скорее всего!

– Нет. Все так и было, просто этому нет объяснения.

Они проезжали темный отрезок пути между Введенкой и Ситовкой, когда увидели, что по обочине дороги идет пожилая женщина. Машина быстро разминулась с путницей, и, через несколько минут после того, как старушка осталась позади, Ольга осмыслила увиденное и спросила:

– А сколько сейчас времени?

– Двадцать три ноль три, – ответил Миша, кинув головой на панель, где приятными зелеными огоньками высвечивалось не только время, но и много другой полезной информации.

– Куда она идет, на ночь глядя? – спросила Ольга.

– Кто идет?

– Ну, та бабушка, у дороги. Ты ее видел?

– Не обратил внимания. Мало ли…

– Это же опасно. Старый человек, темная трасса, ночь. До ближайшей деревни километров семь, не меньше. Вдруг ее кто-нибудь собьет или обидит?

В воздухе повисла пауза, и стало слышно, как гудит мотор и шелестят по асфальту шины. Ольга представляла, как жутко идти одной по ночной дороге, а Миша смотрел вперед и молчал, понимая, что сейчас поступит предложение, от которого он не сможет отказаться. Дело в том, что Ольга всегда бросалась помогать слабым, – будь то брошенный котенок, потерявшаяся собачка или вышедший на дорогу ежик. Она просто не могла пройти мимо бездомного животного, из-за чего Мише приходилось принимать самое активное участие в выкармливании, лечении и дальнейшем пристраивании найденышей в добрые руки. Правда, до сегодняшнего вечера Олина сердобольность дальше животных не распространялась.

– Давай сделаем доброе дело, – подвезем старушку! – наконец произнесла Оля самым приятным голосом.

Миша не отвечал.

– Ну, пожалуйста!

– Может, она уже свернула куда-нибудь.

– Давай, посмотрим. Если ушла, то вернемся. Тут недалеко. Смотри, там можно развернуться!

Указание на место разворота было сделано так ловко, как будто решение помогать старушке уже было принято. Они ушли направо, сделали крюк и поехали назад.

Загадочная бабушка по-прежнему шла вдоль дороги по направлению от города примерно в том же месте, где они ее увидели в первый раз. Миша притормозил у обочины, и Ольга вышла из машины.

– Женщина, Вы куда идете? – закричала она, – может, Вас подвести?

Мимо промчался грузовик с прицепом, заглушив Олин крик.

– Женщина! Вы меня слышите?

Бабушка остановилась и повернула голову в их сторону.

– Вы ко мне обращаетесь? – переспросила она довольно четко и громко.

– Да, да! Куда Вы идете?

– В Каликино иду, к брату.

Оля заглянула в машину.

– Миш, а сколько до Каликино?

– Километров двадцать, может, тридцать. Не знаю.

– Ну, не бросать же ее здесь теперь?

Бабушка тем временем перешла через дорогу и уже приближалась к машине. При свете фар стало видно, что она не очень-то и старая, просто худая и немного сутулая. Она была одета в легкий бежевый плащик, застегнутый на все пуговицы, на голове был повязан светлый

платок. На ногах, правда, были резиновые калоши, которые придавали фигуре неряшливый вид, но, из-под платка выбивались крашеные хной волосы, и губы были обведены малиновой помадой. Женщина остановилась и посмотрела на Олю открытым детским взором.

– Вы хотите меня подвести? – спросила она.

– Да. Садитесь сзади. Зачем же Вы, на ночь глядя, так далеко собрались?

– Я на автобус опоздала, – ответила женщина, устраиваясь на сидении.

Машина резко тронулась в сторону Каликино. Некоторое время все молчали и слушали радио. Новости дня были настолько не близки присутствующим, что, казалось, они повествуют о какой-то другой планете, где живут канцлеры, дипломаты, шпионы и миллионеры своей отдельной, очень интересной жизнью, о которой можно рассказывать всем остальным, а реальная жизнь, – освещенный полукруг дороги перед машиной и проносящиеся мимо спящие деревни, являлась собственностью пассажиров, и никому, кроме них, не была интересна… Курс доллара, прогноз погоды, далее – аналитическая передача.

Оля убавила громкость и повернулась к женщине.

– Давайте познакомимся. Я – Ольга, за рулем – Михаил. А Вас как зовут?

– Мария Игнатьевна.

– Вы родом из Введенки?

– Да, я там живу.

– А брат живет в Каликино?

– Да. И сестра его тоже.

– То есть, и ваша сестра?

– Да, я тоже сестра.

Немного сбитая с толку, Оля села в кресле ровно и озадаченно почесала висок. «Какая разница, кто чья сестра? Наше дело маленькое, – довезем до места, и ладно», – подумала она, но через минуту повернулась снова:

– У вас большая семья?

– Нет, я живу с дочерью.

– А она не будет волноваться?

– Она в город уехала.

– Так, она знает, что Вы к брату собрались?

– Она тоже уехала к брату.

Оля снова отвернулась и заерзала. Она поглядывала на Мишу исподтишка, но тот, кажется, даже не слушал их разговор. Машина ехала на большой скорости, – видимо, он решил разделаться с «добрым делом» как можно скорее.

«Бывает, люди плохо выражают свои мысли, объяснить толком ничего не могут. Вот, я помню, наша соседка тетя Шура…», – Оле пришла в голову новая мысль.

– А как зовут Вашего брата?

– Анатолий Васильевич Сапрыкин.

– У вас отчества разные? – озадаченно уточнила Ольга.

– Так вышло, – спокойно ответила Мария Игнатьевна, – он у нас младший в семье.

Невозмутимый тон Марии Игнатьевны отбил всю охоту выведывать семейные тайны или что-то еще. Оля вздохнула, и сказала:

– А я – единственный ребенок в семье. Нет у меня ни сестер, ни братьев.

Она увидела указатель с надписью Каликино, и обрадовалась, что все это скоро кончится. Мария Игнатьевна после некоторого размышления добавила:

– Я еще в школу ходила, когда его в армию забрали, поэтому мы редко виделись.

Ольга не обратила внимания на ее слова, так как машина уже ехала по деревне.

– Здесь куда?

Не глядя в окно, Мария Игнатьевна ответила «направо», и на двух следующих развилках повторила то же самое.

– Мы здесь уже были, – громко и отчетливо сказал Миша, не оборачиваясь.

– Какая нужна улица, какой номер дома? – Оля пыталась заглянуть в глаза пассажирке.

– Улица крайняя, – ответила Мария Игнатьевна, – дом один.

Миша потыкал по кнопкам, вызывая карту.

– Здесь нет улицы с таким названием.

– Раньше была, – Мария Игнатьевна немного помолчала, – наверное, переименовали. Я сама найду. Спасибо. Откройте дверь, пожалуйста.

– Точно не заблудитесь? – спросила Оля на прощанье.

– Нет, я все здесь знаю. До свиданья, – сказала Мария Игнатьевна и пошла в направлении ближайшего дома.

– До свиданья, – крикнула Ольга ей вслед, и села в машину.

Обратный путь прошел в молчании. Когда автомобиль въехал в город, Ольга, наконец, решилась сказать то, о чем думала всю дорогу:

– Зря мы это сделали.

– Я понял это еще до того, как мы посадили ее в машину, – глухо отозвался Миша.

– Зачем мы увезли ее так далеко от дома? Господи, какие мы дураки! Наверное, ее сейчас кто-то ищет. Почему я сразу не поняла, что она из этих, «убегающих» стариков? Выглядела, вроде, нормально. Только немного странно… Я позвоню в полицию, скажу, что, если будет заявление о пропаже человека, пусть ищут за тридцать километров в сторону Чаплыгина.

Ольга повертела в руках телефон, вздохнула, и набрала 102.

– Алле, это полиция? Да, я хочу рассказать о местоположении человека, которого, возможно будут искать… Нет, или вы принимаете мой звонок, или ничего не надо.

– Что сказали? – поинтересовался Миша, когда они уже стояли около ее подъезда, и пришла пора прощаться.

– Сказали, что я должна приехать с паспортом в отделение, и сделать письменное заявление, а по телефону никаких заявок они не принимают, – это не радио. Еще что-то об ответственности за похищение человека. Получается, мы человека похитили! Понимаешь? Тоже мне, вечерок выдался. Пошло оно все куда подальше! Вот так… Гуд бай, на хрен! – она хлопнула дверцей машины и ушла не оглядываясь.

Миша некоторое время сидел, раздумывая о случившемся, потом повел плечами, как бы стряхивая с себя что-то. Освободившись, таким образом, от неприятных мыслей, он тронулся и медленно поехал к себе домой. Был уже второй час ночи.

В чужом городе

На майских праздниках Дина решила разобрать хлам на балконе. Она надела старые джинсы, растянутую футболку Федора, взяла веник и ведро, потом выглянула за балконную дверь, огляделась и передумала.

– Феденька! – крикнула она внутрь квартиры, – тут ящики какие-то неподъемные, доски, рама от велосипеда, – это все надо выносить, я одна не справлюсь.

– Диночка, сегодня выходной, – отозвался мужской голос из кухни, – хватит уже убирать, давай отдохнем!

Светленькая хрупкая Дина и ее худющий рыжеволосый избранник Федор жили в этой квартире почти три месяца, и все никак не могли навести порядок. Несмотря на присущую Дине энергичность и готовность помогать со стороны Федора, дела продвигались очень медленно. Ветхие рамы, ржавые трубы, захламленные полки и старая мебель, которой была обставлена квартира, сильно сопротивлялись присутствию новых хозяев, тем более, что оба работали с девяти до шести, и на улучшение быта оставались только выходные.

Дина вернулась на кухню, где Федор колдовал над заварочным чайником. Она села за стол, стянула платок с головы, заглянула Федору в глаза и вкрадчиво спросила:

– А как мы отдохнем?

Федор изобразил на лице поиск вариантов, водя глазами туда – сюда, после чего предложил как можно непринужденнее:

– Давай съездим в Воронеж!

– В Воронеж? Зачем? – удивилась Дина.

– Погуляем там, я тебя с Юлькой познакомлю! – он пододвинул Дине чашку чая.

– С твоей бывшей? Вот еще!

– Она хорошая девушка, вы подружитесь.

– Глупо как-то, по-моему. Либо она должна быть хорошая, либо я. Так?

– Ты же не ревнуешь, правда? Поехали!

– Ну, если ты так хочешь…

Дина не ревновала ни сколько, но и не могла понять, зачем Федору надо было их знакомить, – его отношения с Юлькой окончились уже год назад, и, вроде бы, ушли в прошлое. Это предложение было, по меньшей мере, странным.

Федору, действительно, очень хотелось показать будущую жену своей бывшей подружке. Он не желал себе в этом признаваться, но нужно было продемонстрировать Юльке, что у него все отлично, несмотря на то, что его, вроде бы, бросили. Эта главная причина поездки опутывалась какими-то посторонними объяснениями, вроде того, что девушки должны друг другу понравиться, или «хорошо бы вместе побродить по старым местам», но их знакомство, так или иначе, казалась ему просто необходимым.

Дина пожала плечами и согласилась. Не то, чтобы ей захотелось увидеть Юльку, просто это было развлечение на выходной день, – поездка в соседний город сулила новые впечатления.

Ранняя субботняя электричка была наполовину заполнена не выспавшимися людьми, и, заняв свои места, почти все пытались вздремнуть. Дина склонила голову на плечо Федора, а он прислонился к стеклу, подложив куртку, и проснулись они уже на конечной станции, когда все выходили из вагона. За окном было солнечное утро, и спать уже совсем не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.